

Блокада

Горька костров последних гарь.
Лютует голод.
Ноги—гири.
Седая женщина, к могиле
склоняясь, кладёт ржаной сухарь.
Глаза отёрла и как тень
блокадной тишины застыла—
а той осьмушки не хватило
в тот страшный день...
Проклятый день.

О еврейском вопросе

Вроде вылезли все
из войны, из окопа,
в миротворной красе
щеголяет Европа.
Для неё Холокост
в горле стал холокостью:
что Европе погост
с теми, кто на погосте?
Для неё Холокост—
надоевшая мета.
На еврейский вопрос
до сих пор нет ответа.

В этом доме было гестапо

Он ненавидел немцев—
в нём ещё длилась Блокада.
Он помнил о трупах на улицах,
о взрывах, о хлебной квоте.
Потом мишпоха поднялась—
дети сказали: «Надо».
И вот он стоит на штрассе
и смотрит на дом напротив.
В этом доме было гестапо.
В этом доме было гестапо.

В этом доме жгли и пытали,
в этом доме творился ад.
А дома вздыхает дочь:
«Зачем так нервничать, папа?»—
Даёт валидол под язык
и чешет свой пышный зад.
Но каждое утро,
вставая и надевая шляпу,
Идёт на прогулку по штадту,
и ноги ведут опять
К дому, где было гестапо,
к дому, где было гестапо.
И ночью снова Блокада
ему не позволит спать.